Текст · 17 сентября 2026, 16:44
Сергей Голубев,

Молитва с куратором. Москвичка рассказала, как мошенники убедили ее напасть на женщину, якобы готовившую теракт в детском саду

Сегодня в Никулинском районном суде Москвы допросили 20-летнюю Елизавету Мазурову. Москвичка находится в СИЗО по обвинению в покушении на убийство[1] и разбое[2]: мошенники убедили ее, что 59-летняя Галина Тихомирова связана с «иноагентами», готовит теракт в детском саду и у нее нужно забрать и вернуть государству 4 миллиона рублей.

В результате Мазурова пришла домой к Тихомировой, позвонила в дверь и распылила перцовый баллончик. Сегодня в суде она подробно рассказала, как мошенникам удалось за три недели установить полный контроль над ее поступками. «Медиазона» с некоторыми правками и сокращениями публикует рассказ девушки.

1. Часть 3 статьи 30, пункт «ж» части 2 статьи 105 УК.

2. Пункт «а» части 4 статьи 162 УК.

Краткое содержание

Судебный процесс по делу 20-летней Елизаветы Мазуровой начался в Никулинском суде в середине августа, через пять месяцев после нападения. Самого события девушка не отрицает — только настаивает, что не собиралась убивать Галину Тихомирову, как утверждает обвинение.

Прокуратура и семья потерпевшей с ней не согласны: по их версии, Мазурова пыталась, но не смогла убить 59-летнюю женщину, поскольку ей помешал муж жертвы.

Кроме того, в переписке Мазуровой с мошенниками нашли слова о том, что она собирается «грохнуть бабку», и намек на денежное вознаграждение. Девушка настаивает, что эта фраза была шутливой, а на гонорар за нападение она не рассчитывала.

Сегодня мать Елизаветы рассказала в суде, что в детстве у девочки обнаружили расстройства психики, которые со временем давали о себе знать все заметнее и требовали медикаментозного лечения.

Сама Мазурова назвала себя внушаемым человеком и подробно рассказала, как мошенники убедили ее напасть на совершенно незнакомую женщину. «Медиазона» с некоторыми сокращениям публикует ее показания.

Впервые они написали мне в мессенджере *Max* 23 февраля 2026 года. Так я начала общаться с людьми, чьих фотографий я не видела и никак не могла удостовериться в их личностях.

Мне рассказали про доверенность электронную, в которой говорилось, что кто-то перевел от моего лица деньги известному «иностранному агенту», а тот перевел их на поддержку украинского терроризма и таких формирований, как батальон «Азов».

Меня убедили, что из-за этой доверенности меня тоже признали «иностранным агентом». Мне угрожали, что эти сведения могут распространиться, и меня посадят на долгий срок.

Пару недель мы с ними просто общались, они спрашивали, что я делаю, чем занимаюсь — и говорили, что мне нужно готовиться к тому, чтобы избавиться от доверенности. Говорили, что они пока что ищут правонарушителей, которые могут быть либо «иноагентами», либо убийцами, либо разбойниками, и что я должна буду как бы их пресечь, изъять у них ту сумму, которую они могли украсть. Либо надо будет кому-то помочь.

Бывало такое, что они говорили мне, что уже наконец появилось задание, и надо выходить — и в тот же день оно снималось, когда я уже ехала. Например, скидывали адрес человека и говорили, что нужно ему помочь, чтобы он избежал тюрьмы. Надо было распечатать документ и передать ему — по сути, и все.

У меня даже мыслей не было рассказывать об этом кому-либо, потому что мошенники мне сказали, что нельзя: что мой телефон был взломан, и они могли просматривать всю информацию, что у них отображалась вся активность моего телефона, они знали, в какое время я захожу в одно приложение, когда — в другое. Они мне сказали, что у тех плохих людей, которые на меня оформили доверенность, тоже есть доступ к моему телефону, и к телефонам родственников. Мне сказали, что если я кому-то расскажу, то они через телефоны родственников все узнают, и я очень боялась кому-либо об этом говорить, просто держала в себе. Мне говорили, в

каких группах я состояла, помню, что были задеты личные переписки.

Пару раз мне угрожали, что меня посадят в тюрьму, если я постоянно не буду отвечать на все их сообщения, на все их СМС, потому что они заставляли, чтобы я постоянно с ними была на связи. Каждые десять-пятнадцать минут отвечала на звонки, на сообщения. Я говорила, что я так не могу. Они требовали, чтобы я все докладывала или обязательно сообщала, куда я езжу.

На тот момент у меня был очень сбитый режим, я взяла академический отпуск, потому что я не могла уже вовремя приходить на занятия. Зачастую я либо приходила ко вторым-третьим парам, либо вообще не приходила. И из-за того, что у меня был сбитый режим, они меня заставляли отвечать как можно скорее. У меня из-за этого были с ними конфликты. Я отвечала, бывало, раз в три, в четыре часа. То есть я вообще так отвечала, потому что я говорила, что у меня есть свои бытовые дела, которые должна была делать, помогать маме по дому. У меня есть личная и семейная жизнь, я объясняла, что не могу постоянно отвечать — мы ссорились, они начали на меня повышать голос по телефону, я начала их больше бояться и стала отвечать чаще.

Они представлялись сотрудниками Росфинмониторинга и ФСБ, говорили, что если я кому-то расскажу, то нарушу государственную тайну. И мне сказали, что меня оформят внештатным сотрудником Росфинмониторинга, и нужно будет пойти на задание, чтобы отработать те деньги,

которые я не переводила, и как бы доказать лояльность государству.

Мне переводили деньги, и несколько раз меня просили, чтобы эти деньги я перевела другим людям, среди них были даже из других стран. По-моему, я эти деньги перевела в какую-то Чеченскую область: мне дали контакты какого-то человека, и говорили, что нужно перевести деньги на него. Это было максимум два раза.

Меня запугали уголовным делом за госизмену, я боялась за себя, потому что кто-то от моего лица через мои счета перевел 60 тысяч какому-то известному «иноагенту», я его проверяла, он действительно существует.

Наконец, мне велели поехать к женщине, которая, как мне сказали, оказалась «иноагентом», получила 4 миллиона рублей от террористов и готовила теракт в детском саду.

Я очень испугалась и поверила им, так как я инвалид по психическому заболеванию, в связи с чем я очень внушаема и доверчива. Мне нужно было изъять эти деньги, которых, как выяснилось потом — я до конца не верила — и не было. Меня убедили, что эти 4 миллиона нужно будет вернуть в Центральный банк, государству.

Я не отрицаю, что 14 марта 2026 года я приехала к Тихомировой Галине Николаевне по указанию неизвестных мошенников, которые прислали мне ее адрес и данные, сказав, что мне нужно изъять из ее квартиры деньги.

Для самообороны мне сказали взять баллончик и молоток. Еще я купила молоток и малярную ленту на всякий случай: мне нужно было не убить, а обезвредить потерпевшую, чтобы в итоге сделать обыск в ее квартире и забрать деньги. И как бы если бы она еще как-то двигалась, пыталась... Они думали, что я применю молоток — который я не применяла! — и мне нужно будет закрыть ей рот и глаза малярной лентой.

Они сказали, что нужно не убить, а просто чтобы она на какое-то время, так сказать, прилегла, потеряла сознание. Мне очень стыдно и жаль, что я причинила ей столько боли и страха, но в своей душе я понимала, что не смогу убить человека.

Я приехала к дому около восьми часов. Какое-то время я гуляла у ее подъезда, потому что я до последнего повторяла те указания, которые мне дали мошенники. Я говорила, что мне страшно, что я хочу помолиться перед этим. Тот куратор, с которым я общалась, он сказал, что он тоже верующий, что давай помолимся вместе, после этого в какой-то мере мне стало легче. Мне говорили, что с ней живет четырехлетний ребенок, неизвестно — ее или под прикрытием.

Мне сказали, чтобы я открыла дверь через домофон, набрав какой-то случайный номер квартиры, но

мне это не удалось, и поэтому я вошла просто с другими людьми, которые тогда заходили в подъезд. Какое-то время я не решалась позвонить в квартиру Тихомировой: она находилась на первом этаже, там постоянно входили люди.

Как раз я была около лифта и вот около двери, которая вела в тамбур, периодически заходила на лестницу, и еще мне сказали, что нужно позвонить мошенникам и убрать телефон в карман, чтобы связь была. В ухе у меня оставался наушник.

Молоток лежал у меня в пакете, который был в левой руке за спиной — его я по указанию мошенников должна была применить в отношении потерпевшей сразу же, когда она откроет мне дверь. Но я так и не решила сделать это из-за страха. Левая рука у меня нерабочая, и я изначально знала, что не буду применять молоток в отношении потерпевшей. Я не наносила ей никаких ударов, не угрожала убийством и не замахивалась пакетом с молотком в ее сторону.

Мне сказали, что я могу ей представиться курьером из Пенсионного фонда, что я принесла ей из пенсионной письмо, и что она не отвечала на мои звонки. Как только она открыла дверь, я спросила: Галина Николаевна? Она сказала: «Да, это я», открыла дверь квартиры и тамбура, и тогда я резко достала баллончик и распылила ей в лицо. Я поняла, что я что-то как бы делаю неправильно, что-то не то. В моменте я резко захотела убежать, бросить этот баллончик.

На самом деле, я думала, что вдохнув жидкость из перцового баллончика, человек может упасть в

обморок, а Галина просто закричала, и на крик буквально через пару секунд вначале выбежал ее сын, он позвал отца. Чтобы меня обезвредить, он нанес мне один удар в нижнюю челюсть. Я пыталась отмахнуться пакетом, но понимала, что не смогу убежать, он силой затащил меня в тамбур, где находилась квартира, сын вызвал полицию и в тамбуре мы ждали приезда полиции.

Я была на звонке с мошенниками, в наушник они мне сказали: «Елизавета, берите нож и режьте их, это семья иноагентов!». Они хотели, чтобы я убила всю семью. У меня в кармане оставался телефон, и я прочла самое последнее сообщение: ко мне вызвали группу поддержки ФСБ, сейчас за мной приедут, мне помогут. И я говорила, что сейчас мне помогут, а муж отвечал, что меня посадят на долгий срок.

Я помню, как, когда полиция выводила из подъезда, я еще верила, что она агент, и выкрикнула ей: «Позор иноагенту». Я верила до конца, и только в полиции мне объяснили, что меня обманули. Конечно, мне очень жаль, что я причинила этой семье столько боли, столько страха.

Редактор: Дмитрий Ткачев